

Намъ кажется, что дѣло происходитъ какъ разъ въ обратномъ порядкѣ противъ того, который описывается здѣсь графомъ Толстымъ, и кузнецъ не потому становится кузнецомъ и учитель учителемъ, что кто-то ихъ просить объ этомъ, а наоборотъ, кузнеца просятъ ковать лошадей, а учителя учить дѣтей, потому что они умѣютъ это дѣлать.

Но гипотеза эта, можетъ быть, представляетъ собою только не совсѣмъ точное выраженіе несомнѣнно вѣрнаго положенія, что трудъ можетъ быть рассматриваетъ какъ товаръ, и цѣна его (а слѣдовательно и побудительныя причины къ занятію имъ) обуславливается предложеніемъ и спросомъ. Но въ такомъ случаѣ выводъ, который дѣлаетъ отсюда графъ Толстой, уже совсѣмъ не вытекаетъ изъ этой истины.

„Еслибы случилось, что заведется много кузнецовъ и учителей, или ихъ работа не нужна, они тотчасъ, какъ этого требуетъ здравый смыслъ и какъ это бываетъ всегда тамъ, гдѣ нѣтъ причинъ нарушенія правильности раздѣленія труда, они тотчасъ бросаютъ свое мастерство и опять берутся за земледѣліе. Люди поступающіе такъ руководствуются своимъ разумомъ, своею совѣстью, и потому мы люди одаренные разумомъ и совѣстью, всѣ утверждаемъ, что такое раздѣленіе труда правильно. Но еслибы случилось, что кузнецы имѣютъ возможность принудить другихъ людей работать на нихъ и продол-